

Удивительно богата и разнообразна поэзия Новосибирска: читатели, блуждая по цветущему острову, найдут здесь «официальных» (А. Кухно, А. Плитченко и др.) и «неофициальных» поэтов советского времени: конца 60-х – начала 80-х (И. Овчинников, Ж. Зырянова и др.), 80–90-х гг. XX в. (А. Пименов), авторов, стоявших в стороне и от того, и от другого потока (В. Назанский, В. Светлосанов), а также поэзию 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (Ю. Пивоварова, И. Силантьев и др.) и, конечно, стихи молодых новосибирских авторов (С. Васильев, К. Кармалита, В. Красный и др.). Издатели поставили перед собой интересную задачу: представить новосибирскую поэзию во всём её богатом разнообразии, то есть не разъединить, а, наоборот, объединить и собрать под одной обложкой поэтов не просто разных, но порой и творческих антагонистов. Традиционная, тяготеющая к классическому стиху, поэтика (Е. Стюарт) сочетается с образцами, которые относят к концептуализму (Е. Минияров), пронзительная лирика (А. Кухно, А. Денисенко) – с философско-иронической балладностью (А. Пименов), чистой иронией (Д. Рябов), сложной временной парадигмой (В. Иванів), поэтикой, близкой обэриутам, постмодернистскими инверсиями и аллюзиями, метафорическими изысками, авангардистскими экспериментами «чистого языка» и так далее. Здесь и силлаботоника (она превалирует), и верлибр, и «рваная» строфика, и современный раёшный стих.

Взгляд издателей на поэтический новосибирский остров не изнутри, что неминуемо исказило бы картину в сторону одного ракурса восприятия: к примеру, через местный

альманах «Речпорт», сетевое окно «Журнального зала» или «Сибирских огней», – а совершенно свободный. Лишён этот взгляд и некой идейной тенденциозности: в сборнике, например, соседствуют оригинальная «тенивая» образность Петра Матюкова и светлая фольклорность Ю. Бернадского. Понимающему читателю будут весьма интересны как лучшие стихи советского периода (Е. Стюарт, А. Смердова, А. Кухно и других), так и поэтические поиски современных новосибирских поэтов, тяготеющих к авангарду (Е. Миниярова, В. Шатовкина, А. Метелькова и пр.).

Пожалуй, можно сделать и первые выводы: слишком «серьёзное» отношение признанных советских поэтов к своей социальной роли было чаще помехой для свободного самовыражения, а нередкое ныне отношение к поэзии как к личному и почти более никому не нужному экспериментальному хобби лишает её глубины, а поэта – той древней профетической тени, которая опережает стихи, а не следует за ними.

В кратких биографических данных поэтов намеренно не указано членство в творческих союзах: в Союз писателей СССР входили признанные авторы старшего поколения, в Союзе писателей России состоят многие из ныне пишущих, некоторые из поэтов принадлежат к иным творческим союзам, есть «свободные художники» или люди других профессий, издавшие не одну книгу стихов, публикующиеся в периодике. Издатели специально не упоминают и лауреатство поэтов антологии. Значительная часть авторов – лауреаты всевозможных литературных премий: от Государственной премии РСФСР им. М. Горького (Л. Решетников, СССР) до Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка (В. Іванів) – пусть читатель воспринимает стихи не через призму литературных премий, а, так сказать, в чистом виде, без эффекта ореола.

Этому «чистому восприятию» поэзии, на наш взгляд, способствует и отсутствие под стихотворениями дат: с одной стороны, не всё, представленное в сборнике, было датировано, с другой – стихи если не умирают, то живут не привязанными к реальному времени написания, а во вневременном пространстве. Именно потому в антологии не отделены ушедшие поэты от ныне здравствующих... Талантливые представители социальной экстравертированной направленности (В. Берязев) или противоположного мироощущения – почти маргинального социального аскетизма (А. Пименов) – существуют в поэзии независимо от фактов биографии и психологической парадигмы, а лишь благодаря ценности ими созданного, способности поэтического текста, преодолев границы замкнутой текстуальности, войти в духовное поле читателя.

Столь же непафосно издатели относятся и к известности поэтов. К примеру: А. Плитченко считался одним из самых известных поэтов второй половины XX века; был очень популярен как бард Н. Шпилов; после преследования за инакомыслие и богоискательство стал известной фигурой в Новосибирске и за его пределами Ю. Ключников, старейший автор из ныне активно пишущих; а И. Овчинникова, чьи стихи ходили в списках, знали очень немногие. Но во вневременном поэтическом пространстве все поэты имеют равные права, ключ к поэтическому бессмертию отнюдь не биографический и не премиальный, не личностно-психологический, а чисто поэтический.

И этот ключ в руках у того редкого читателя, который, возможно, не написав ни одной стихотворной строки, тем не менее способен войти в поэтическое пространство как равный поэту.